

С Алексеем Петровичем мы близко дружили более полувека. Познакомились в Москве на занятиях литстудии «Луч» — наша общая подруга Маша Чемерисская вручила мне рукописный блокнотик со стихами (которые я нашел гениальными) и тут же представила мне их автора. В Москве Цветков, правда, жил урывками, уезжая то в родное Запорожье, то на журналистскую работу (Тюмень, Аркалык), однако мгновенно присоединился к нашей компании, впоследствии получившей некоторую известность под названием «Московское время». Его ранние стихи

были действительно прекрасны — легки, умны и изящны. Поздние оказались еще лучше, хотя и были совершенно иными, куда более трагичными. Первая (и, кажется, единственная) публикация Цветкова появилась в январе 1972 года в журнале «Юность». Потом ему стало душно в Советском Союзе, и он подал заявление на выезд. На несколько лет мы расстались, однако часто переписывались, потом уехал в Канаду и я. Леша тогда преподавал в американской глубинке, затем поступил на «Голос Америки», потом — на радио «Свобода». На несколько лет переехал в Мюнхен, а оттуда — в Прагу. В конечном итоге вернулся в Америку и более того — оказался в Нью-Йорке практически одновременно со мной. Таким образом, около 10 лет мы прожили в одном городе, и это был прекрасный подарок судьбы для вашего покорного. Ну а потом, как когда-то из СССР, он уехал и из Америки в город с поэтическим названием Бат-Ям (т.е. дочь моря, по-нашему русалка). Встречались в третьих странах, а когда мы с женой, наконец, собрались его навестить в Израиле, то застали уже больным, а потом и схоронили.

Алексей Петрович — поэт поразительной мощи. Думаю, что со временем это станет ясным даже широкой читающей публике. Интеллект, страсть и непримиримость в его стихах сочетаются с безукоризненным вкусом и тонкой гармонией. Впрочем, не обижен он был и чувством юмора. Оставленное им блестящее творческое наследие не примиряет с уходом близкого друга, однако может служить некоторым утешением.